

Глава 40. Обнажить клинок ради одного

Холодный поток ци хлынул из пальцев юноши в левую руку Цю Бодэна, и кровоточащая рана закрылась. Вслед за этим правая рука стала легче — меч Тайи был выхвачен.

Цю Бодэн поднял голову. Пришедший уже развернулся, держа меч в руке.

В переменчивом свете и тенях виднелся его резкий, словно лезвие обнажённого меча, профиль.

Широкие рукава чёрных одежд от стремительного рывка вытянулись в одну линию, подобно тому, как сокол, бросаясь на добычу, рассекает пространство своими тёмными, как смоль, крыльями. Бледная рука Ши Уло крепко сжимала рукоять Тайи. Его серебристо-серые глаза, узкие и пронзительные, холодно смотрели на приближающегося Хуай Нинцзюня.

В тот миг, когда он появился, Хуай Нинцзюнь без колебаний выхватил свой меч Цаншуй и, промчавшись по улице, яростно атаковал.

Ши Уло развернулся чуть позже, но его скорость была выше. Они почти одновременно достигли центра улицы.

— Запрет!

Внезапно раздался резкий приказ Ши Уло.

Его голос был ледяным. Этот гневный выкрик прозвучал так, будто в небе раскололся древний, тысячелетний лёд, и брызнувшие во все стороны осколки холода в тот же миг заморозили время и пространство. Наступление Хуай Нинцзюня внезапно прервалось, и меч, который он уже занёс для удара, застыл в воздухе. А Ши Уло уже высоко подпрыгнул.

Он держал меч двумя руками!

Это было невероятное движение, ошибку, которую не совершил бы даже начинающий фехтовальщик.

Среди всех видов оружия меч имел два лезвия и центральный хребет. Лезвия были тонкими и хрупкими, поэтому фехтовальщик должен был быть лёгким и проворным. Цю Бодэн ранее тоже наносил рубящий удар в прыжке, но он держал меч одной рукой, и хотя его удар был подобен прорвавшейся плотине, он в любой момент мог превратить яростный поток в лёгкий ветерок. Техника владения длинным мечом всегда строилась на переменчивости тринадцати основных приёмов: рубящих, колющих, режущих, блокирующих и прочих. А Ши Уло вложил всю свою силу в один удар, нанося его грубо и прямо, что являлось табу в искусстве меча.

Окровавленный меч Тайи пылал, искажался, пульсировал!

Удар!

Алый, как пламя, свет обрушился сверху, и из его траектории брызнула кровь небес... Меч Цаншуй со звоном разлетелся на куски, серебряные доспехи рассыпались, и Хуай Нинцзюнь отлетел назад на несколько чжанов. Его сапоги глубоко увязли в земле, и во все стороны поползли паутины трещин.

Это был не меч!

Это была сабля!

Лезвие меча Тайи было повреждено, и в схватке с целым Цаншуй он был в заведомо проигрышном положении. Ши Уло отказался от лёгкости и проворства искусства меча и использовал его как тяжёлый, не имеющий острия клинок.

Не давая Хуай Нинцзюню времени сменить меч, Ши Уло, волоча клинок за собой, снова развернулся и подпрыгнул.

Испивший крови Тайи описал в воздухе злое алое солнце, и из этого мёртвого светила хлынули бесконечные потоки ярости и жажды убийства. А тот, кто мог нанести такой удар, был в чёрных одеждах, бледный, как призрак.

Самый жестокий, самый холодный злой дух.

Но какая разница?

Цю Бодэн сидел на корточках посреди улицы. Невысохшие лужи собирались в реку, омывая его. Алые одежды погрузились в холодную воду, напоминая то ли кровь, то ли огонь. На его лице не было никакого выражения, но в прекрасных чёрных зрачках чётко отражался силуэт юноши, наносящего удар.

Даже если это злой дух, это тот дух, что готов обнажить клинок ради тебя.

— А если я всё-таки прыгну?

— Я поймаю тебя.

Он вдруг снова вспомнил тот разговор.

Белые одежды и серебряные доспехи Хуай Нинцзюня были поглощены тенью солнца. Прежде чем его воплощение рассеялось, он взглянул в конец улицы. Там, среди сияния мириадов чешуек, сидел юноша в алых одеждах, а к нему через лужи воды, крови и огня шёл юноша в чёрном.

Он тихо вздохнул.

Ши Уло шёл против света.

Он остановился перед Цю Бодэном, и его тень полностью накрыла его.

Небо и дома окрасились в причудливый и великолепный тёмно-красный цвет от предсмертного сияния рыб жу. Силуэт Ши Уло был очерчен чёрно-красным контуром, словно на закате на улице встретились человек и призрак. Человек был безоружен, а злой дух источал после битвы ауру убийцы, будто готов был в любой момент поглотить живого.

Человек и злой дух смотрели друг на друга.

В их взглядах пронеслись сотни лет.

Щёлк.

Меч положили на землю. Гарда коснулась камня, издав тихий звук.

Ши Уло, опустив глаза, встал на одно колено перед Цю Бодэном. Он взял его руку и с небольшим усилием распрямил его бледные пальцы. Ужасная рана пересекала ладонь. Хотя кровь уже не текла, плоть была разорвана, и местами виднелась кость.

Он молчал, его пальцы, сжимавшие руку Цю Бодэна, слегка побелели.

Холодный поток ци снова хлынул из пальцев Ши Уло, снова и снова омывая рану. Боль на самом деле утихла ещё раньше. Холодный поток, казалось, был нужен лишь для того, чтобы обмануть нервы, изолировать боль... Этот человек, ворвавшийся так стремительно, в смертельный миг обнаживший клинок, был безумен и жесток, словно мог разрубить само небо и землю.

Но тот, кто мог разрубить небо и землю, перед тем как нанести удар, помнил, что другой человек больше всего на свете ненавидит боль.

Цю Бодэн отвернулся и посмотрел на стаи рыб, кружащих в небе над городом Жу.

***

Вся тьма рассеялась, и весь город купался в небывалом сиянии.

Миллиарды рыб жу кружили в небе над городом. Каждая рыба, каждая чешуйка изо всех сил излучали свет. Они кружили вместе, словно облака на закате, текущие по небу. Наконец, облака собрались вокруг одного центра и начали стремительно вращаться. Тысячи и десятки тысяч радужных лучей вырвались из танцующей рыбьей формации, словно в небе возшло ослепительное солнце.

Металлические чешуйки сталкивались, издавая звук, подобный тому, как если бы миллион железных струн были задеты одновременно, как если бы миллион медных колоколов зазвонили в унисон.

Словно миллион людей запели и закричали в едином порыве.

Меч старейшины Тао замер у горла Чжоу Цзыяня, так и не опустившись.

Яростный ветер завывал. Чжоу Цзыянь, пошатываясь, упал на колени и, глядя в небо, вдруг залился слезами.

Все жители города Жу упали на колени, все смотрели в небо.

Все плакали.

Они слышали песню города Жу столетней давности.

Это была песня душ их предков.

Люди сто лет спустя наконец поняли, о чём они пели.

Они пели, что не нужно ждать жизни, не нужно бояться смерти, что город и люди живут одним духом. Поэтому сто лет назад, когда клан Тайюй убил божественную рыбу, миллионы людей восстали, миллионы бросились в бой, миллион горожан стали миллионом воинов. Мужчины и женщины, старики и дети, размахивая мечами и саблями, бросились на высокомерных Пастырей небес.

Какая ярость, какая скорбь.

Вот он, город Жу.

Город, который не ищет компромиссов, а готов разбиться вдребезги, как яшма.

Но кто и по какому праву заставил его разбиться?

Цзо Юэшэн инстинктивно сделал два шага к Чжоу Цзыяню, но остановился. Меч старейшины Тао медленно опустился, он больше не мог его поднять.

Небесный Дао был несправедлив, горе и обида не находили отклика.

Это были Сто кланов, это был клан Тайюй.

Это был...

Павильон Гор и Морей.

***

— Ты не солгал, — голос Цю Бодэна был тихим, заглушаемый предсмертной песней рыб жу. — Город Жу... действительно прекрасен.

Он действительно полюбил этот город.

— Хочешь увидеть восход?

Ши Уло не смотрел ни на плачущих горожан, ни на великолепных, как сон, рыб. Он просто поднял глаза и посмотрел на Цю Бодэна.

Цю Бодэн повернулся к нему.

— Хочешь увидеть?

Повторил он.

<http://bllate.org/book/16967/1589512>